

СТАТЬИ И ТРАКТАТЫ

Как сказано выше, в первую серию Юбилейного издания, состоящую из 45 томов, входят наряду с художественными произведениями теоретико-публицистические сочинения. К последним относятся статьи и трактаты на общественно-политические, философские, литературно-критические, эстетические, педагогические, экономические, юридические, религиозно-нравственные и другие темы. Объем этой части наследия писателя очень велик и охватывает громадный круг проблем. По словам Горького, книги Толстого — «документальное изложение всех исканий, которые предприняла в XIX в. личность сильная, в целях найти себе в истории Росс<ии> место и дело» (М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 295).

Своими теоретическими и публицистическими произведениями Толстой дорожил не менее, чем художественными, а в последний период жизни ставил их даже выше художественных. Он видел в них средство прямого воздействия на жизнь, активного вмешательства в нее, орудие пропаганды и утверждения тех идей, которые казались ему единственно-истинными и важными. Поэтому, проявляя порою равнодушие к изданию своих художественных произведений, он уделял исключительное внимание изданию и распространению своих теоретико-публицистических работ. На эту тему он вел обширную переписку с редакторами и издателями в России и за границей, а в тех случаях, когда статьи запрещались цензурой, он поощрял их распространение путем нелегальных типографских изданий, а также путем гектографирования и размножения рукописными списками. Так, например, в связи с запрещением книги «Так что же нам делать?», набранной для «Русской мысли», Толстой писал Л. Д. Урусову: «Меня радует то, что она читается по корректурам и уже переписывается» (т. 63, с. 203). С удовлетворением отметил он в записной книжке и появление множества гектографированных изданий запрещенной статьи «Царю и его помощникам» (т. 54, с. 244). Все средства, считал он, хороши для передачи людям того открывшегося ему миропонимания, которое, как казалось ему, может привести человечество к свободе и счастью.

1

Публикация теоретико-публицистических работ Толстого имеет свою историю. По традиции, установленной самим писателем, они неизменно включались в его собрания сочинений. Однако примерно с 80-х годов, с резким усилением их обличительного содержания, большое число статей и воззваний запрещалось цензурой и в собрания сочинений входить не могло. Тем не менее введение теоретико-публицистических работ в собрания сочинений Толстого следует, как мы это увидим ниже, считать его прямой авторской волей.

Впервые статьи Толстого вошли во второе собрание его сочинений (изд. Ф. Стелловского. СПб., 1864)*. Во второй том этого издания, наряду с кавказскими и севастопольскими рассказами, «Метелью», «Семейным счастьем», «Поликушкой» и «Казаками», автор включил и написанные им к этому времени педагогические статьи.

В следующем, третьем издании своих сочинений в восьми томах (1873) Толстой отвел для статей отдельный том (IV). В этом виде они печатались и в четвертом издании (1880—1886) — последнем из подготовленных самим автором к печати, — и в пятом, выпущенном С. А. Толстой (1886), где к ранее собранному тому статей прибавился еще один (XII), в который

* Первым изданием считаются выпущенные автором в Петербурге в 1856 г. два тома его сочинений: «Детство и отрочество» и «Военные рассказы». К этому времени завершенных публицистических работ у Толстого еще не было.

вошли написанные к этому времени статьи, посвященные переписи в Москве, и статья «О народном образовании».

Таким образом, во всех собраниях сочинений, которые готовились к изданию самим автором или при его близком участии, теоретико-публицистические работы включались полностью, а по мере их накопления собирались в отдельные тома. Этот порядок соблюдался и во всех последующих изданиях собраний сочинений Толстого, хотя он сам, передав в 1886 г. издательские дела жене, почти не участвовал в их подготовке к печати.

Вышедшие вслед за этим в свет два издания собраний сочинений, осуществленные С. А. Толстой, — шестое (1886) и седьмое (1887) — воспроизводили без изменений состав пятого издания. Восьмое издание (1889—1895) содержит новый том (ч. XIII), целиком отданный теоретико-публицистическим работам. Он включает все статьи о переписи в Москве, трактат «Так что же нам делать?», главы из книги «О жизни», статьи «Ручной труд и умственная деятельность», «Для чего люди одурманиваются» и др. Эти и некоторые другие работы вошли и в девятое «Полное собрание сочинений в 14 частях», которое С. А. Толстая предприняла в 1893 и завершила в 1898 г. Здесь мы находим статьи о голоде, «Неделание», «Предисловие к сочинениям Ги де Мопассана», «О назначении науки и искусства» и многие другие. Подобно этому, вновь написанными, не запрещенными в России статьями пополнялись десятое (1900) и одиннадцатое (1903) собрания сочинений и все последующие издания вплоть до смерти писателя.

Параллельно с публикацией теоретико-публицистических работ в собраниях сочинений, они многократно выпускались и отдельными книгами. Таковы, например, сборники статей Толстого (1882, 1886, 1895, 1898 и др.) и отдельные издания трактатов «Так что же нам делать?», «О жизни», «Что такое искусство?», педагогических статей, а также многочисленные издания «Посредника», который, начиная с 1884 г., выпускал в свет публицистические и религиозно-нравственные работы Толстого отдельными книжками и брошюрами в сотнях тысяч экземпляров.

Строгий цензурный запрет, наложенный на ряд теоретико-публицистических произведений Толстого в России, обусловил их частую публикацию за границей. Впервые они появлялись в Лондоне, в изд. «Свободного слова», под редакцией Черткова, и в Женеве, в швейцарском отделении этого издательства. Многие из них печатались в изд. Гуго Штейница в Берлине, в изд. М. Элпидина в Женеве, в «Братском листке» (под ред. П. А. Буланже) в Англии, в изд. И. П. Ладыжникова в Германии и в ряде других зарубежных издательств.

После революции 1905 г. некоторые из ранее запрещенных статей Толстого смогли выйти и в России в изданиях «Обновления» (СПб., 1906), Герцика (СПб., 1906), «Всемирного вестника» (СПб., 1906), Дубровского (М., 1907), «Ясной Поляны» (СПб., 1907—1909), Максимова (СПб., 1909) и др. Однако полностью теоретико-публицистические работы Толстого ни разу при его жизни не были собраны, хотя, как мы знаем, сам писатель этого всегда желал.

В полном объеме они не включались в собрания сочинений Толстого и после его смерти. В первое посмертное собрание сочинений в 23 томах (1911—1912, изд. В. М. Саблина) был дополнительно включен «Круг чтения», однако многие другие, особенно «запретные» произведения в него не вошли. Не могли они быть включены и в 24-томное Полное собрание сочинений под редакцией П. И. Бирюкова (1913—1914, изд. И. Д. Сытина). Цензурные преследования сочинений Толстого в этот период не только не были ослаблены, но с началом первой мировой войны еще более усилены. И только после Октябрьской революции создались в России условия для беспрепятственного издания всего без исключения наследия великого художника.

В советские годы теоретико-публицистические работы Толстого публиковались многократно на всех языках народов СССР. Выходили они отдельными изданиями и сборниками. Однако, так как до 1928 г. полных собраний сочинений писателя не предпринималось, они также не были собраны воедино. Юбилейное издание является, таким образом, первым и пока единственным собранием сочинений Толстого, в которое вошли все его статьи, трактаты, памфлеты, воззвания и обращения.

Это издание включает не только законченные произведения, но и неопубликованные, незавершенные и неотделанные сочинения, вплоть до мелких набросков. В своей совокупности они составляют исчерпывающий свод теоретико-публицистических произведений великого писателя, приведенных полностью, без купюр, в том виде, как их оставил автор.

2

Всего сохранилось 290 теоретико-публицистических произведений Толстого, из которых 164 были им завершены и 126 остались незаконченными. Все они вошли в Юбилейное издание, причем 83 произведения увидели в нем свет впервые. Не вошло в него из ныне известных лишь одно произведение — послесловие к статье Я. В. Абрамова «О гонении на духоборов», не попавшее почему-то ни в т. 31, где ему надлежало быть по хронологии, ни в сборный т. 90 (оно публикуется в настоящем томе «Литературного наследства»).

Теоретико-публицистические произведения составляют внутри томов раздел «Статьи», где произведения расположены в хронологическом порядке. Незавершенные произведения помещены во всех томах в специальном разделе «Неопубликованное, неотделанное, неоконченное», где они также расположены в хронологическом порядке.

Изучение обширного материала, включенного в Юбилейное издание, показывает, что расположение и датировка теоретико-публицистических произведений сделаны в основном правильно. Распределение материала по томам и расположение его внутри томов в подавляющем большинстве случаев научно обоснованно и строго выдержано. Вместе с тем в этом огромном издании встречаются отдельные промахи, на которые необходимо указать.

Наиболее грубым из таких промахов следует считать помещение дважды одного и того же произведения, как это случилось со статьей «Религия и наука». Эта законченная и подписанная автором статья, продиктованная им в августе 1908 г. Н. Н. Гусеву, не была при жизни писателя опубликована. Зато ей «повезло» в Юбилейном издании, где она помещена и в т. 37 (с. 360—362) и в т. 40 (с. 427—429), кстати говоря, вышедших в свет в одном и том же 1956 г. Разницы между обеими публикациями нет никакой, если не считать различной разбивки статьи на абзацы, зато в комментариях дважды указано, что она «публикуется впервые».

Дважды опубликована и статья «Неделание», хотя с ней обстоит дело несколько сложнее. Эта статья была написана Толстым в 1893 г. в связи с полемикой, которая разгорелась между Эмилем Золя и Александром Дюма (сыном) по вопросу об идеалах молодежи. После того, как статья была завершена, Толстой одновременно дорабатывал ее русский текст для журнала «Северный вестник» и текст французского перевода, выполненного неким Вилло, для парижского журнала «Revue de famille». Но в дальнейшем случилось так, что журнал «Revue de famille» напечатал не перевод Вилло, собственноручно исправленный Толстым, а чей-то другой и плохой перевод, сделанный по тексту «Северного вестника», чем весьма огорчил Толстого. Сличение статьи в «Северном вестнике» и французского авторизованного перевода Вилло показывает, что между ними имеются

некоторые расхождения. Толстой, исправляя перевод, в ряде случаев изменил текст, кое-где расширил и по-иному выразил свои мысли. Однако это ни в коем случае не является основанием для повторного помещения статьи, как это сделано в т. 90 (с. 22—41), после того, как она уже была полностью помещена в т. 29 (с. 173—201).

Французский перевод не является новой статьей. Ее публикатор В. С. Мишин сам считает его «как бы новой редакцией» статьи, уже помещенной в собрании сочинений (т. 90, с. 358). Тогда тем более непонятна вторичная публикация этой статьи в *основном* разделе произведений т. 90.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «ХОЛСТОМЕР»

Акварель Г. К. Савицкого, 1947 г.

Музей Толстого, Москва

Толстой, как известно, не раз собственноручно исправлял иноязычные переводы своих сочинений (например, английский текст «Письма к индусу»), неизбежно создавая расхождения их с русским текстом. В Юбилейном издании подобные разночтения оговариваются при публикации вариантов. Но никогда это не служило основанием для повторных публикаций этих сочинений. И в данном случае следовало в разделе «Варианты» оговорить эти расхождения, а не печатать всю статью вновь, да еще на двух языках — французском и русском.

Отметим еще три случая неправильной публикации текстов. Помещенный в т. 1 публицистический отрывок «О молитве» (с. 247—248) является одним из вариантов «Детства», о чем имеется прямое свидетельство в дневнике писателя (т. 46, с. 105.— На это справедливо указал С. М. Брейтбург в книге «Литература о Толстом последних лет. Критико-историографический обзор». М., 1931, стр. 23). Однако в томе он помещен как самостоятельное произведение. Подобно этому отрывок «О прогрессе образования», напечатанный в т. 8 (с. 619—621) в качестве отдельного незавершенного произведения, является в действительности черновым отрывком помещенной в этом же томе статьи «Прогресс и определение образования» и должен был бы находиться среди ее вариантов.

В т. 7 (с. 133—135) напечатано в виде самостоятельного наброска философское рассуждение «О браке и развитии женщины». В действительности это не отдельное сочинение, а вариант к 10-й главе второй части эпизода «Войны и мира», что устанавливается и содержанием отрывка и временем его написания (1868). На это указал Б. М. Эйхенбаум в книге «Лев Толстой. Семидесятые годы» (Л., 1960, стр. 131). Варианту этому место в т. 16.

Отдельно следует остановиться на принципах расположения произведений по томам и внутри томов. Особенности материала требовали сочетания в Юбилейном издании двух принципов — хронологического и тематического, как мы это видим и в изданиях, осуществленных самим Толстым.

По тематическому принципу расположены сочинения педагогические (т. 8), литературно-критические (т. 30), религиозно-нравственные (т. 39) и такие обширные работы, как «Новая азбука» и «Русские книги для чтения» (т. 21), «Азбука» (т. 22), «Круг чтения» (т. 41-42), «На каждый день» (т. 43-44), «Путь жизни» (т. 45). Выделение этих произведений в отдельные тома вполне оправдано, хотя и было связано с некоторым нарушением хронологии.

Неизбежны и хронологические сдвиги, вызванные вновь найденными сочинениями, которых не было к моменту подготовки соответствующих томов. К примеру, «Проект о переформировании батарей...» обнаружен лишь недавно, и он правильно включен в т. 90.

Но в последнем, «сборном» т. 90 помещены и многие произведения, которые давно известны и должны были бы находиться на своих местах, — а это уже является грубым нарушением хронологического принципа. Таковы, например, «Письмо к фельдфебелю» (1899), статья «Как освободиться рабочему народу» (1905), «Письмо крестьянину о земле» (1905), статья «Истинная свобода» (1907) и др.

Достойно сожаления, что ни один из случаев нарушения хронологии при публикации теоретико-публицистических сочинений не объяснен ни в вводных статьях к томам, ни в комментариях к данным произведениям, а т. 90 вообще лишен вступительной редакционной заметки. Это, несомненно — упущение редакции и заметный пробел в столь авторитетном и серьезном издании.

Укажем также на случай неправильной датировки произведения и на нарушения единообразия в обозначении дат. Неправильно датировано (следовательно, не на своем месте помещено) «Предисловие к сборнику мыслей Джона Рёскина „Воспитание. Книга. Женщина“». Оно включено в т. 31 (с. 96) как произведение, будто бы написанное в январе — марте 1898 г. (см. комментарии — т. 31, с. 286). В действительности эта статья написана тремя годами раньше, что устанавливается письмом И. И. Горбунова-Посадова к Толстому от 23 сентября 1895 г. (АТ).

Принятый в издании порядок обозначения дат (на шмуцтитуле и в оглавлении) нарушен в отношении ряда томов, а внутри томов — в отношении многих теоретико-публицистических произведений. Таких обозначений, например, нет в тт. 1, 2, 23, 25, 26, 38 и многих других. В результате в одних томах можно, не роаясь в комментариях, узнать, когда написана статья, в других же ни из шмуцтитула, ни из оглавления этого не узнаешь.

Бросается в глаза и то, что в некоторых томах под рубрикой «Статьи» напечатаны материалы, ничего общего со статьями не имеющие: официальные бумаги, деловые записи и др. Например, в т. 8 на равных правах с педагогическими сочинениями, в одном разделе с ними, напечатано прошение Толстого министру просвещения о разрешении журнала «Ясная Поляна», пятистрочные объявления о выходе журнала, о его закрытии и

другие деловые бумаги, хотя в томе имеется специальный отдел «Приложения», где подобного рода бумагам и место.

То же мы видим и в т. 90. Здесь под рубрикой «Статьи» помещены докладная записка Толстого-офицера «О переформировании батарей в 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками», «Молитва внучке Сонечке» и другие подобные материалы. Таких сомнительных «статей» много и в публицистических разделах других томов, и особенно в разделах «Неопубликованное, неотделанное, неоконченное». Здесь согласно принятому порядку полагалось помещать только незавершенные произведения, в действительности же помещены любые бумаги, ничего общего с творчеством не имеющие. Строгости в размещении материала, четкости в композиции, упорядоченности, единообразия в размещении материала и его датировке не хватает многим томам.

3

Важнейшая задача издания — установление научно проверенного текста — решена для подавляющего большинства теоретико-публицистических работ правильно, хотя связанные с этим трудности во многих случаях превосходили трудности в подготовке текста художественных произведений.

Искажения текста публицистических произведений при их первых публикациях происходили по многим причинам. Прежде всего это были искажения цензурного порядка, поскольку большинство статей и трактатов Толстого подвергалось жестоким преследованиям. Помимо сильных опустошений (вычеркиваний, смягчений, удалений целых глав), которые производили в них официальные цензоры, эти произведения подвергались порою не менее искажающей «цензуре» редакторов и издателей, стремившихся путем заблаговременного смягчения отдельных мест проташить их через цензурные рогатки. Иногда на такие смягчения соглашался и сам автор. Так, например, при подготовке к изданию трактата «Так что же нам делать?» Толстой был вынужден обратиться к духовному цензору А. М. Иванцову-Платонову с «частной» просьбой — наметить необходимые смягчения, чтобы трактат мог пройти через цензуру (см. письмо Толстого к Иванцову-Платонову — т. 63, с. 316).

Другого рода искажения были связаны с тем, что многие публицистические произведения печатались впервые за границей и автор был лишен возможности участвовать в их издании непосредственно. Толстой в этих случаях посылал свои исправления по почте, но далеко не всегда они попадали в текст, как это, например, случилось с некоторыми авторскими исправлениями при печатании трактата «Что такое искусство?»

Наконец, многие искажения невольно вносились переписчиками, редакторами, наборщиками и корректорами во время издания и переизданий произведений.

Чтобы установить авторский текст в его последней редакции, исследователям приходилось в каждом отдельном случае решать, что положить в основу текста — последнее прижитенное издание, сохранившуюся рукопись, корректуру, или, быть может, первое издание, поскольку именно оно бывало очень часто единственно авторизованным. Эти решения вырастали часто в сложные текстологические проблемы, вслед за которыми возникали и десятки других вопросов и загадок, в том числе связанных с трудным почерком автора.

Следует отметить к чести коллектива текстологов и исследователей, — они справились с трудностями весьма успешно. Подготовка публикаций теоретико-публицистических сочинений Толстого может служить

образцом серьезной, научно обоснованной текстологической работы. Она делает Юбилейное издание единственно авторитетным источником научно проверенных текстов большинства сочинений Толстого.

Образцовой, например, можно с полным основанием назвать работу Н. К. Гудзия по научному установлению текста трактата «Так что же нам делать?». Произведение это имеет сложную творческую историю. Начав в 1882 г. небольшую статью под заглавием «О помощи при переписи», Толстой продолжал работу над ней в течение четырех лет, в результате чего она выросла в обширный философский и социально-экономический трактат, содержащий 40 больших глав.

Авторская работа шла в течение этого периода не только над созданием новых глав, но и над доработкой ранее написанных. Некоторые места перерабатывались по десяти и более раз. Так образовался огромный фонд рукописей и корректур, содержащий многочисленные варианты и редакции как всего произведения в целом, так и его отдельных глав.

Не менее сложной была история печатания трактата. Первоначально запрещенный в журнале «Русская мысль» (1885), он был позднее частично разрешен к опубликованию в журналах «Русское богатство» и «Детская помощь», но с большими пропусками и цензурными искажениями. Эти искажения были лишь частично устранены в т. XII пятого издания собрания сочинений Толстого, вышедшем в свет в апреле 1886 г.

В этот период и позднее были предприняты и заграничные бесцензурные издания трактата (жениевское издание М. Элпидина, 1886; издание «Свободного слова», 1902), но они, хотя и восполнили отдельные опущенные в России места, во многом повторили искажения русских изданий. Искращения не были устранены и при последующих публикациях трактата, вплоть до «Полного собрания сочинений» в 24 томах (1913—1914). Таким образом, перед редактором трактата в Юбилейном издании встала сложная задача — разобраться в огромном рукописном фонде и в хаосе разновременных публикаций, установить в них долю и последний этап авторского участия, устранить из авторского текста многочисленные искажения — цензурные, автоцензурные, редакторские и всех других видов.

Ни подцензурные журнальные публикации, ни бесцензурные заграничные издания, из-за содержащихся в них многочисленных купюр и искажений, не могли лечь в основу окончательного текста. Текст пятого издания собрания сочинений также полностью не отвечал этим требованиям, ибо в него не вошли как многие абзацы и главы, изъятые цензурой, так и некоторые исправления, сделанные позднее автором. Однако этот текст — единственный, который печатался при непосредственном участии Толстого, читавшего и правившего для него корректуры. И поэтому редактор правильно поступил, положив именно это издание в основу окончательного текста. Для восполнения недостающих в нем мест он пользовался авторскими корректурами, относящимися к этому изданию, корректурами текста, предназначавшегося для «Русской мысли» и, наконец, рукописями, с которых производился набор или которые по всем признакам представляют собою последнюю редакцию отдельных глав произведения. Так в результате сложной текстологической работы был установлен подлинный текст трактата «Так что же нам делать?»

Значительные трудности были сопряжены и с подготовкой текста трактата «Что такое искусство?». Как известно, трактат печатался в 1897—1898 гг. одновременно в России, в журнале Н. Я. Грота «Вопросы философии и психологии», где корректуры держал сам автор, и в Англии, в переводе Э. Моода, в виде приложения к журналу «The new order», где за изданием наблюдал Чертков.

Текст трактата в период его печатания подвергся значительным изменениям. Помимо большого числа исправлений, внесенных автором в кор-

ректур «Вопросов философии и психологии», текст здесь исправлял и Н. Я. Грот, который руководствовался большей частью цензурными соображениями, а иногда и желанием «улучшить» Толстого.

Цензура, в том числе и духовная, куда был передан для просмотра журнальный вариант трактата, произвела в нем большие опустошения, изменив и выбросив не только отдельные места, но и целые главы.

Параллельно с этим Толстой вносил исправления в английское издание, посылая их в Лондон Мооду и Черткову, а также в издание, предпринятое С. А. Толстой.

В 1898 г. все три издания были закончены, но содержали весьма различный текст. Сличение их показало, что наиболее полно последний этап авторской работы воплощен в издании С. А. Толстой, где корректуры трактата исправлял сам автор. И хотя данный текст также содержит много искажений и цензурных купюр, редактор тома В. С. Мишин поступил правильно, положив в основу текста именно это издание. Он включил в него авторские исправления, сделанные в журнальном и английском вариантах, восстановил все цензурные изъятия, выправил по рукописям множество ошибок. В результате текст трактата был научно установлен.

К числу удачно выполненных работ следует отнести и подготовку текста «Круга чтения» (редакторы «Круга чтения»: т. 41 — Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев, Б. М. Эйхенбаум; т. 42 — Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев, В. Д. Гусева, Е. С. Серебровская, Б. М. Эйхенбаум. Имя Б. М. Эйхенбаума в т. 42 ошибочно пропущено, что отмечено в специальной вставке к т. 90); трактата «Рабство нашего времени» (Е. С. Серебровская), статей «Закон насилия и закон любви» (П. С. Попов), «Царство божие внутри вас» (Н. В. Горбачев), «О голоде» (А. И. Опульский) и др.

Не все, однако, решения текстологических вопросов, возникших при редактировании теоретико-публицистических произведений Толстого, можно признать бесспорными. В отдельных случаях выбор их основного текста недостаточно обоснован.

Спорным, например, кажется нам решение вопроса о тексте статьи «Не могу молчать», который в Юбилейном издании напечатан по одной из рукописей (редактор В. С. Спиридонов). История печатания статьи такова. Завершив и отослав ее в 1908 г. Черткову для издания за границей, Толстой позднее сделал на отдельных листках две вставки и вложил их в первую главу оставшейся у него черновой рукописи. Во время подготовки статьи к печати автор находился в оживленной переписке с Чертковым, предложившим внести в нее ряд исправлений. Толстой одобрил предложенные Чертковым исправления, но *не послал* ему сделанных им самим добавлений. По какой причине он этого не сделал, неизвестно; факт, однако, тот, что он имел возможность вставить свои добавления в печатный текст и не вставил.

Поскольку добавления не вошли в заграничную публикацию Черткова, редактор текста публикует статью не по этому изданию, в котором прямое участие принимал сам автор, а по черновой рукописи (№ 17), где были обнаружены добавления и которая несколько отличается от посланной Черткову. Но именно это и спорно. Кто может поручиться за то, что именно текст этой черновой рукописи и не посланные Черткову добавления отвечают последней авторской воле? Ведь можно предположить и то, что, набросав добавления, автор позже передумал включить их в текст статьи и именно поэтому не послал их в Лондон. Так или иначе, но в комментариях к статье (т. 37, с. 425—432) принятое текстологом решение не обосновано.

Такие случаи единичны. Подготовка же большинства текстов, как сказано, осуществлена на высоком научном уровне.

Некоторые незавершенные статьи, не имевшие авторских заголовков, опубликованы под редакторскими заголовками (они взяты в прямые скобки). Большинство их, как это принято в научных изданиях, кратко и верно передает содержание статей (например, «Заявление об аресте Гусева»). Но в отдельных случаях редакторы превысили свои полномочия и придумали для статей «эмоциональные» заголовки (например «Бессмысленные мечтания»), что вряд ли можно признать законным. В одном случае придуманный редактором заголовок граничит с искажением содержания. Мы имеем в виду заглавие, данное редактором В. И. Срезневским обличительной записке молодого Толстого (1855) о пороках николаевской крепостной армии. Как это теперь устанавливается по дневникам писателя, документ должен именоваться «Запиской о переформировании армии», — так именовал ее сам автор. В Юбилейном же издании (т. 4) она опубликована под произвольным редакторским заголовком «Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера», что не соответствует содержанию этого документа, как раз направленного к возвеличению моральных качеств русского солдата.

4

Наряду с основным текстом произведений, в Юбилейном издании печатаются и их черновые редакции и варианты. Смысл этих публикаций в отношении теоретико-публицистических сочинений состоит в том, чтобы восстановить процесс авторской работы и одновременно раскрыть многое из того, что автор по тем или другим причинам был вынужден в окончательном тексте скрыть, смягчить или зашифровать. Все эти места, как правило, в черновиках даны оголенно, без шифровки, и по ним точнее устанавливаются те конкретные события, факты, явления, лица, которые стали объектом острого толстовского обличения и критики. К примеру, в окончательном тексте «Не могу молчать» не упомянут ни один из обличаемых деятелей царской России, а в черновиках прямо названы, с резкими характеристиками — Столыпин, Плеве, Щегловитов, Гучков, Милюков и «самый глупый и бесчеловечный из всех г-н Романов, называемый Николай второй» (т. 37, с. 392).

Черновой рукописный фонд теоретико-публицистических произведений обширен. У отдельных статей и трактатов он насчитывает тысячи листов (например, трактат «Что такое искусство?» — 4482 л.). Публиковать все черновики без исключения было невозможно, да и не нужно. Здесь важны правильный отбор, отвечающий задачам издания, и правильный метод публикации. К сожалению, и то и другое оставляет в ряде томов желать лучшего. Провозглашенное редакцией в начале издания намерение — «извлечь из этого громадного собрания черновых рукописей то крайне интересное и ценное, что в нем схоронено» («От главного редактора» — т. 1, с. IX) во многих случаях осуществлено далеко не полностью.

Ради справедливости следует оговорить, что выбор вариантов и черновых редакций сопряжен в публицистике Толстого с огромными трудностями. Ни сам автор, ни его близкие не проявили заботы о систематизации его рукописного фонда. Черновики отдельных произведений предстали перед исследователями в неразобранном виде. Тем выше заслуга тех исследователей (а таких большинство), которые тщательно разобрались в черновиках, установили последовательность редакций, правильно датировали отдельные этапы работы и тем самым воссоздали процесс авторского труда. Такая тщательная работа приводила к осмысленной публикации черновых рукописей в виде целых редакций или в виде серии последовательных вариантов, в совокупности дающих представление о ходе авторской работы. Именно так опубликованы, например, варианты к тракта-

там «Так что же нам делать?», к памфлету «Николай Палкин», к статьям «Единственное возможное решение земельного вопроса», «Не могу молчать» и ряду других статей и трактатов. Но во многих случаях варианты даны вырванными из контекста небольшими кусочками и не в порядке последовательности авторской работы, а в порядке следования окончательного текста («К гл. 7», «К гл. 8» и т. д.), что в значительной мере обесценило их для установления творческой истории произведений.

Бросается в глаза и то, что к одним произведениям приведены все сохранившиеся, в том числе и самые мелкие, малоинтересные варианты, а к другим они даны заведомо неполно, урезанно, хотя черновые рукописи этих сочинений содержат интереснейший материал. В результате, творческая история отдельных публицистических произведений не может быть восстановлена по приведенным вариантам.

Примером неудачной публикации вариантов может, например, служить раздел вариантов, данный к статье «Рабство нашего времени» (т. 34). Эта статья — одна из самых острых в публицистике Толстого. Сам автор придавал ей большое значение. «Я <...> теперь работаю над статьей, разрастающейся и очень меня занимающей, о рабочем вопросе. Кажется мне, что я имею сказать кое-что новое и ясное», — писал он Черткову 28 февраля 1900 г. (т. 88, с. 191). В процессе работы статья не только, как всегда, расширялась и углубилась, но, по выражению Толстого, становилась «ядовитее и ядовитее» (т. 72, с. 408). Писатель дал в ней полную волю негодованию, накопившемуся у него в результате длительного ознакомления с жизнью рабочих московских заводов и фабрик, а также в результате посещения товарной станции Казанской железной дороги, где, как он установил, грузчики работали «по 36 часов сряду».

Сохранившиеся рукописи и корректуры (в объеме 1962 лл.) уже давно дали возможность установить первую редакцию статьи, и она была в 1933 г. опубликована Н. Н. Гусевым в книге «Лев Толстой. Неизданные тексты». В процессе дальнейшей работы были установлены (Е. С. Серебровской) и последующие редакции, а также варианты отдельных глав. Казалось бы, первая редакция и наиболее интересные последующие варианты и должны были войти в Юбилейное издание. Однако в т. 34 (с. 491—502) вошли только 14 разрозненных отрывков (к 5 главам из 15), не дающих никакого представления о ходе авторской работы. Первая же редакция статьи опубликована спустя шесть лет в т. 90, причем без всякого объяснения, почему это так сделано (в настоящем томе «Литературного наследства» публикуется еще 15 вариантов).

Еще более неудачна публикация вариантов к трактату «Царство божие внутри вас». В Юбилейном издании этому трактату посвящен специальный том (28), где наряду с текстом даны отдельные его рукописные варианты. Но среди них почему-то отсутствует черновая редакция 12-й главы, той исключительно интересной и важной главы, в которой описана встреча на ст. Узловой Толстого, ехавшего «на голод», с карательным отрядом, направлявшимся на усмирение голодающих крестьян. Под гнетущим впечатлением увиденного Толстой тут же, в одном из голодающих сел, переработал заключительную главу трактата «Царство божие внутри вас», воплотив в ней свои горестные раздумья над господствующим строем жизни и свое острое негодование по адресу русского самодержавия.

Впоследствии, в процессе дальнейшей работы над трактатом, автор многократно дорабатывал заключительную главу, и в окончательный текст она вошла значительно измененной. Но разве не интересно было бы в разделе вариантов увидеть главу в том виде, как она впервые вылилась из-под пера взволнованного художника? Какое огромное значение она имела бы для исследователей публицистики Толстого! Но ее в томе нет (публикуется в настоящем томе «Литературного наследства»).

Подобно этому в Юбилейное издание не вошел ряд интересных вариантов к статье «О Шекспире и о драме» (они публикуются в настоящем томе «Литературного наследства»), к статье «Действительное средство» и др. К некоторым из публицистических работ Толстого варианты *вовсе не даны*, хотя они сохранились и представляют в ряде случаев не меньший интерес, чем те, которые приведены. Таковы, например, черновые варианты к статьям «Не убий», «Ответ на определение Синода», «Солдатская памятка», «Офицерская памятка», «К рабочему народу», «К духовенству» и др.

Особенную досаду вызывает отсутствие в Юбилейном издании одного из вариантов обращения «Царю и его помощникам», который писался как самостоятельная статья «Чего желает прежде всего большинство русского народа», а затем слился с обращением. Эта статья весьма важна для характеристики политических позиций Толстого в канун революции 1905 г. По поводу нее у Толстого была переписка с Чертковым, предложившим к ней ряд поправок. Автор в период писания весьма дорожил мыслями, изложенными в ней. В 1923 г. она была опубликована в т. IV «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым (стр. 25). Эта статья должна была войти в Юбилейное издание как один из вариантов обращения «Царю и его помощникам», но ее там нет.

В отдельных случаях при публикации вариантов упущены важные материалы или допущены ошибки. Укажем на некоторые из них.

При публикации материалов, относящихся к статье «О народном образовании» (т. 17), пропущен собственноручный план Толстого, посвященный организации педагогических курсов для крестьянских детей («Университета в лаптях»).

Опубликованные в т. 38 (с. 347) варианты к статье «Славянскому съезду в Софии» (1909) являются вариантами совсем другой статьи — «Действительное средство» (1910) и ничего общего с первой статьей не имеют.

Все эти отдельные промахи, разумеется, досадны и должны быть исправлены в последующих изданиях.

5

Комментарии к теоретико-публицистическим сочинениям состоят в Юбилейном издании, как и комментарии к художественным произведениям, из двух частей: а) истории писания и печатания; б) описания рукописей данного произведения. В истории писания в ряде случаев дается и реальный комментарий, раскрывающий смысл отдельных упоминаемых в статьях непонятных слов и событий, источники цитат и другие неясные места текста. Описание рукописей содержит иногда и описание первопечатного текста. В единичных случаях за описанием рукописей теоретико-публицистических произведений следует и специальный текстологический комментарий, обосновывающий правильность избранного для публикации текста. Все это в целом занимает в издании значительное место.

Переходя к характеру и научному уровню комментариев, следует отметить, что многие из них по содержанию вполне удовлетворительны. Хотя они и не носят, как это принято в издании, прямого историко-литературного или литературоведческого характера, они все же содержат некоторые ценные сведения, выходящие за рамки внешней «истории писания». В качестве примера обстоятельного, насыщенного содержанием комментария можно привести статью Н. К. Гудзия к знаменитой работе Толстого «Одумайтесь!». Проследивая историю создания статьи, автор комментария убедительно показал, как реальная жизнь заставила писателя изменить его творческие замыслы и откликнуться на ее актуальные запросы. Толстой в это время первоначально задумал трактат о значении религии (впоследствии он был завершен под заголовком «Единое на потребу»),

но начавшаяся русско-японская война властно потребовала от писателя отклика, и он отложил свой религиозный трактат ради создания политически острой и актуальной антивоенной статьи.

Автор комментария не ставил своей целью раскрыть воззрения Толстого на войну — это выходило за рамки принятого в издании типа комментариев. Он скрупулезно, шаг за шагом восстановил историю создания и печатания этой статьи. Но наряду с этим он показал, как сильна была связь Толстого с народом, какую большую роль эта статья сыграла в годы русско-японской войны.

Примером краткого, но содержательного комментария может служить небольшая заметка Н. Н. Гусева к статье «Царю и его помощникам» (т. 34, с. 572—574). Статья была написана Толстым весной 1901 г. в связи со студенческими волнениями в России и по поводу отдачи в солдаты 183 студентов Киевского университета «за учинение скопом беспорядков», как было сказано в специальном сообщении Министерства народного просвещения. Этот факт всколыхнул всю страну и вызвал резкие протесты в среде рабочих и демократической интеллигенции. В. И. Ленин посвящал этому событию специальную статью «Отдача в солдаты 183-х студентов» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 4, стр. 388—393), в которой расценил произвол царизма как вызов общественному мнению России. Все эти факты нашли правильное отражение в комментарии. К месту рассказано в нем и о том, как Толстой в эти годы реагировал на другие аналогичные акты произвола царизма, — он послал приветственный адрес «Союзу писателей», закрытому за протест против избиения демонстрантов полицией и казаками, направил сочувственное письмо князю Л. Д. Вяземскому в

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ
«ХОЛСТОМЕР»

Акварель Г. К. Савицкого, 1947 г.
Музей Толстого, Москва

связи с попыткой последнего остановить это избиение и др. Таким образом, комментарий содержит в сжатом виде творческую историю статьи, раскрытую в тесной связи с породившей ее эпохой.

Богаты фактическим материалом и комментарии Н. В. Горбачева к трактату «Царство божие внутри вас» (т. 28), В. С. Мишина к трактату «Что такое искусство?» (т. 30), Е. С. Серебровской к «Рабству нашего времени» (т. 34), В. С. Спиридонова к статье «Не могу молчать» (т. 37). Общее достоинство их состоит в скрупулезном, научно документированном установлении истории писания и печатания произведений. Но вместе с тем этим комментариям не хватает широты в трактовке понятия «творческая история», глубины в раскрытии и истолковании социального смысла статей Толстого. На всех них сказались пороки, предопределенные самим *типом* принятого в издании комментария.

Смысл того, что в качестве *основного типа комментариев* в Юбилейном издании была в свое время избрана так называемая «история писания и печатания», заключался, по-видимому, в том, чтобы удерживать комментаторов в рамках строгой документации и не допускать произвола субъективных суждений о писателе и его творениях. Однако творческая история произведения, особенно публицистического, не может быть сведена к внешней канве авторской работы. Как правило, статья, памфлет, воззвание — это боевой отклик автора на важное явление или событие общественной жизни, акт прямого вмешательства в нее. Без раскрытия и правильной трактовки самого события, явления, без их осмысления в свете всей социально-политической обстановки и в свете воззрений писателя нельзя понять ни замысла автора, ни его воплощения. Подобно этому и печатание публицистического произведения — не просто внешний факт истории произведения, а всегда эпизод *идейной борьбы*, занимающей известное место в истории общественных отношений эпохи. Особенно это относится к публицистике Толстого, вокруг которой всегда кипели острые политические страсти и самая ожесточенная классовая борьба.

Если под этим углом зрения просмотреть комментарии к публицистическим произведениям Толстого, то мы увидим, что многие из них академичны не в лучшем смысле этого слова.

На один из крайних примеров объективистских тенденций в справочном аппарате издания указал в свое время Б. С. Рюриков, касаясь редакторских пояснений к статье Толстого «О „Веках“» (т. 38). «Явления общественной жизни, — приходил к выводу Рюриков, — нередко освещались в комментариях с позиций, чуждых ленинизму» («Культура и жизнь», 1948, № 2, от 21 января). Это замечание может быть отнесено и к некоторым другим комментариям, сопровождающим публицистические произведения Толстого. Нельзя не отметить в этой связи, что ни в одной из статей и заметок, сопровождающих публицистику Толстого периода первой русской революции, ни разу не упоминаются статьи Ленина о Толстом, в том числе и статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Статьи Ленина не упоминаются и в комментариях к статьям «Рабство нашего времени» и «Ответ на определение Синода», хотя о каждой из этих статей у Ленина имеется прямое суждение. Подобно этому, в комментариях ко многим статьям Толстого отсутствуют даже упоминания о статьях Г. В. Плеханова, В. В. Воровского, Розы Люксембург и других марксистов, где комментируемые статьи Толстого специально анализируются (например, в статьях Плеханова «Смешение представлений» и «Карл Маркс и Лев Толстой» анализируются статья «Не могу молчать» и другие произведения Толстого).

Принятый тип комментариев позволял иногда их авторам ограничивать пояснения к произведениям Толстого рамками внешней описательности, фактографией узко-биографического ряда. Чтобы показать это, остановимся на двух статьях-комментариях.

Общеизвестно, что статья Толстого «Прогресс и определение образования» (1861) выходит далеко за пределы педагогической проблематики. По существу, Толстой этой статьей включился в кипевшую тогда острую борьбу между так называемыми «прогрессистами», т. е. дворянскими либералами буржуазного толка, консерваторами-охранителями, с одной стороны, и революционными демократами — с другой, по актуальному вопросу — о путях развития России, об отношении к капиталистическому «прогрессу». Именно так статья и была воспринята тогдашней критикой и именно поэтому она вызвала нападки на Толстого в либеральной печати. В комментариях же В. Ф. Саводника к этой статье мы найдем детальное изложение истории знакомства Толстого с его оппонентом — либералом Е. Л. Марковым, найдем подробнейший биографический очерк Маркова, получим детальные сведения (по дням) о ходе работы над статьей, но не найдем ни суждения В. И. Ленина об этой статье, ни ответа на главные вопросы — чем (в широком плане) была вызвана эта статья, какие проблемы в ней поставлены, какую роль она сыграла в современной ей идейно-политической борьбе. Комментарий обеднил наше представление о статье, сузил, а не раскрыл ее актуальное значение.

В другом случае — в комментариях Б. М. Эйхенбаума к статье Толстого «О Гоголе» (т. 38) — мелочная фактография привела к неправильному истолкованию отношения Толстого к Белинскому. Прочитывая одну из дневниковых записей с резким отзывом о Белинском, комментатор не упомянул, что в других дневниках Толстого содержатся и иные суждения, в которых Толстой воздает должное великому критику-демократу*.

Следует с удовлетворением отметить, что появившиеся в томах последнего периода издания вступительные статьи, в известной мере восполнили пробел комментариев и в ряде случаев дали правильную оценку публицистическому наследию Толстого. Но при этом сам характер комментариев остался почти таким же. Свойственные многим из них фактографичность, узкое представление о творческом процессе, неумение показать работу писателя в органической связи с его временем обеднили наше представление о творческой истории многих его теоретико-публицистических произведений.

Описания рукописей, как они даны ко многим теоретико-публицистическим произведениям, существенно обогащают историю их создания, а иногда и раскрывают их ранее не известные грани. Во всех случаях они показывают, сколь строгим и взыскательным было отношение Толстого к его статьям и трактатам.

Выше мы уже указали, что разбор и описание рукописей многих статей Толстого можно расценить как научный подвиг многих исследователей. Но тут же, к сожалению, следует оговорить, что плоды этой огромной работы воплощены в Юбилейном издании далеко не в полной мере.

Недостатки в этой части комментариев определены, на наш взгляд, двумя причинами: а) некоторым пренебрежением к описаниям рукописей, проявленным в поздних томах собрания сочинений; б) торопливой и небрежной работой отдельных комментаторов. Впрочем, последнее было, вероятно, прямым следствием недооценки редакцией этого вида комментариев в послевоенных томах Юбилейного издания.

Чтобы наглядно убедиться в том, как на позднем этапе издания изменилось отношение редакции к описаниям рукописей как к одному из видов комментария, следует сравнить некоторые из последних томов с довоенными томами. Разительная перемена! Если в ранних томах описания

* Впоследствии Б. М. Эйхенбаум изменил свою трактовку этой темы. См. его статью «Наследие Белинского и Лев Толстой (1857—1858)». — «Вопросы литературы», 1961, № 6, стр. 124—148.

рукописей даны полно, аргументированно и действительно иллюстрируют историю создания произведений (см., например, описание рукописей трактата «Так что же нам делать?»), то в последних томах они в ряде случаев выглядят опиской, не дающей никакого представления о рукописях. И действительно, можно ли считать описанием рукописей ту, к примеру, небольшую заметку, которая сопровождает комментарии к «Рабству нашего времени»? Черновой материал этой статьи Толстого насчитывает 144 рукописи общим объемом в 1889 листов и 20 корректурных гранок. А их описание (т. 34, с. 566) занимает... 56 строчек!

Еще менее можно назвать научным описанием рукописей ту невразумительную заметку, которая венчает комментарий к статье «О Шекспире и о драме» (т. 35), или кучные строки, посвященные рукописям, которые содержатся в комментариях к статьям «Царю и его помощникам», «Единственное средство» (т. 34), «Религия и нравственность», «Христианство и патриотизм», «Богу или Мамоне», «Послесловие к статье П. И. Бирюкова „Гонение на христиан в России в 1895 г.“» (т. 39) и многим другим. Следует признать, что в последних (по времени издания) томах Юбилейного издания описания рукописей были фактически сведены на нет.

В некоторых из поздних томов (тт. 30, 35 и др.) описания рукописей даны обстоятельнее, полнее, однако (и здесь уже вина самих комментаторов) не лишены текстологических «огрехов», т. е. суммарных описаний, за которыми скрываются не до конца разобранные рукописи, приблизительное представление о них. Таковы, например, многие «огрехи» в описании рукописей трактата «Что такое искусство?». Здесь под некоторыми номерами (13, 17—19 и др.) скрывается неразобранный «рукописный материал», лишь приблизительно отнесенный к той или иной стадии авторской работы.

Этот сакраментальный «рукописный материал» фигурирует и в комментариях к статье «О Шекспире и о драме» и в других описаниях рукописей.

Подведем итоги сказанному.

Юбилейное издание является первым и единственным в мире собранием сочинений Толстого, в котором полностью — без всяких изъятий — собрано и опубликовано его теоретико-публицистическое наследие. Проведена огромная работа по очищению большинства его статей и трактатов от цензурных и других искажений, по установлению их окончательного текста. Благодаря этому творческий путь писателя, его философские, общественно-политические и литературно-эстетические воззрения, его многообразная общественная деятельность впервые предстали перед читателем в полном, неискаженном виде.

подавляющее большинство включенных в издание теоретико-публицистических произведений подготовлено и опубликовано на высоком научном уровне. С точки зрения полноты и точности текста они являются единственным авторитетным источником для последующих изданий.

Опубликованные наряду с основным текстом черновые варианты многих произведений существенно важны для изучения как истории создания этих произведений, так и всего творческого пути Толстого, а также его методов писательского труда. Лучшему ознакомлению с публицистическим наследием художника содействует и богатый справочно-комментаторский аппарат издания, являющийся в значительной части результатом плодотворной работы советских ученых. В целом теоретико-публицистическая часть издания, как и ее художественная часть, является серьезным достижением советской науки о Толстом.

Вместе с тем при публикации теоретико-публицистических произведений и комментариев к ним в Юбилейном издании допущены серьезные промахи, которые должны быть устранены при последующих изданиях.

А. Ш и ф м а н